

Глава 32. Нападение

В сознании Бай Чжигэ, точно сквозь пелену забытья, проступил призрачный образ: хрустальный гроб, окутанный клубами черной, удушливой скверны. Казалось, эта тьма способна поглотить не только плоть, но и саму душу. Перед глазами на мгновение мелькнула печать с лисьим знаком, сдерживающая нечто жуткое внутри.

Сердце Бай Чжигэ словно сжали ледяные тиски. Боль полоснула по груди, дыхание сбилось, и он, мертвенно бледный, рухнул на землю. Скорчившись в клубок, он до боли сцепил челюсти, боясь издать хоть стон.

Ху Цяньцю не на шутку перепугался. Он бросился к товарищу, пытаясь привести его в чувство:

— Бай Чжигэ! Слышишь? Не вздумай меня так пугать! Мне сегодня твоя помощь ох как понадобится, чтобы отбиться от местной нечисти. Если ты сейчас копыта откинешь, я ведь следом за тобой отправлюсь!

Сквозь стиснутые зубы Бай Чжигэ выдавил едва слышный шепот. Он судорожно сжимал ворот на груди, дрожа от невыносимой муки:

— Призрачное поселение... Там, в Призрачном поселении... хрустальный гроб!

— Что? В поселении есть такой гроб? — Ху Цяньцю недоуменно нахмурился, но ответа не последовало.

Бай Чжигэ лишился чувств. Ху Цяньцю коснулся его лба — тот был мокрым от холодного пота. Проверил дыхание: слабое, но есть. Жив.

«Ну что за недоразумение, а не человек! — в сердцах выругался про себя Лис. — Вечно в самый ответственный момент от него никакого проку. Почему разгрести эти завалы всегда приходится мне?»

Тем временем стемнело окончательно. Густой туман начал плотным кольцом сжиматься вокруг них. Единственными источниками света в этой мгле были метки, оставленные ранее Бай Чжигэ, и Меч Сокровенного Грома, который, чуя скверну, пробуждал свою магическую силу, готовясь к битве со злом.

Ху Цяньцю усадил Бай Чжигэ, прислонив к себе, а сам взялся за рукоять Сюаньлэя, лениво прокручивая клинок в ладони.

— Ну что, сокровище мое, — хмыкнул он, глядя на меч. — Похоже, долгой этой ночью надеяться мне больше не на кого.

Он шутливо коснулся губами эфеса. Сюаньлэй, словно обладая собственным разумом, отозвался едва заметной вибрацией и тихим гулом. Ху Цяньцю невольно подумал: если в мече когда-нибудь пробудится дух, он наверняка первым делом обзовет его наглым типом и потребует соблюдать приличия. Впрочем, дух меча должен походить на своего хозяина — а значит, скорее будет дуться в сторонку, сохраняя благородную мину.

«Славный меч! — залюбовался он. — Вот бы и мне обзавестись таким верным оружием».

Сюаньлэй снова загудел — на сей раз как-то возмущенно.

Существа, рожденные в ядовитых испарениях магической засухи, редко бывают безобидными. Обычно это либо свирепые хищники, либо твари, пропитанные смертоносным ядом. Но если они обретают подобие человеческого разума — жди беды.

Ху Цяньцю охранял бесчувственного даоса до глубокой ночи. Усталость и голод брали свое; бренное человеческое тело, в котором он сейчас пребывал, отчаянно требовало отдыха. В конце концов, он не выдержал и, прислонившись головой к плечу Бай Чжигэ, забылся тревожным сном.

Его разбудил тихий хлопок по правому плечу. Ху Цяньцю открыл глаза и увидел Бай Чжигэ, который склонился над ним, разглядывая в упор. Их лица разделяли считанные сантиметры.

— Бай Чжигэ, наконец-то ты очнулся! — с облегчением выдохнул Лис.

Тот не ответил, лишь повторил слова Ху Цяньцю, в точности копируя его голос и интонацию:

— Бай Чжигэ, наконец-то ты очнулся!

Ху Цяньцю оторопел. Повернув голову, он увидел, что настоящий Бай Чжигэ по-прежнему неподвижно лежит у него на плече — разве что рука, которую он подложил под голову товарищу, окончательно затекла. Лис мгновенно подобрался и, выхватив Меч Сокровенного Грома, нанес резкий удар.

Двойник рассыпался клочьями тумана. Но это лишь разозлило невидимого врага. В глубине мглы зажглись мириады зеленых огней. Казалось, из непроглядной чащи на них смотрит целая стая волков, чьи глаза горят жаждой крови.

Из тьмы один за другим начали выходить призрачные фигуры. Все они выглядели как Бай Чжигэ. Медленно, пошатываясь, они смыкали кольцо, и от этого зрелища у Ху Цяньцю поползли мурашки по коже.

Лис понимал: в этом теле его сил недостаточно. Он потряс Бай Чжигэ, но тот не подавал признаков жизни. Тогда Ху Цяньцю отбросил ножны в сторону и крепче сжал рукоять клинка.

— Слушай сюда, Бай Чжигэ! Если я сегодня подохну, защищая твою шкуру, ты будешь моим должником до скончания веков. Я тебя даже в преисподней достану!

Чья-то ледяная рука потянулась к одежде раненого даоса. Ху Цяньцю, не выпуская товарища, развернулся и рубанул наотмашь. Сюаньлэй отозвался глухим раскатом грома, и слабая вспышка молнии обжгла призрачную кисть, оставив на ней угольный след. Тварь с шипением отпрянула.

— И впрямь сокровище! Неудивительно, что в прошлый раз мне хватило одного удара, чтобы испустить дух.

Призраков становилось всё больше. Их глаза полыхали зеленым огнем; они двигались как ожившие мертвецы, неуклюже переставляя ноги и протягивая костлявые руки к живым. Один из них, оказавшийся проворнее прочих, полоснул когтями по рукаву Бай Чжигэ, разодрав ткань.

Ху Цяньцю закружился в танце меча, описывая Сюаньлэем сверкающие дуги. Ложные двойники, наученные горьким опытом, рассыпались дымом, но лишь для того, чтобы тут же воплотиться в другом месте.

Из сотен глоток одновременно вырвалось многоголосое эхо: «Бай Чжигэ, наконец-то ты очнулся!». Звук был таким, словно в голову Ху Цяньцю били огромным медным колоколом. Голову пронзила невыносимая боль, в глазах поплыло.

Лис заставил себя сосредоточиться. Он с силой вогнал Сюаньлэй в землю — клинок вошел в почву на треть длины. Выхватив из-за пазухи стопку чистой бумаги, он прокусил палец и принялся чертить в воздухе кровавые знаки.

Алые символы ложились на бумагу, и вскоре заклинания вспыхнули ослепительным золотым светом, на мгновение разогнав тьму.

Но призракам было всё равно. Они продолжали атаку, впиваясь когтями в воздух. Ху Цяньцю попытался повторить сковывающий массив Бай Чжигэ, создавая талисманы, но сил хватало лишь на то, чтобы удерживать врагов по одному. Стоило одной бумажной полоске вспыхнуть, как очередной лже-Бай превращался в сизый дым.

Запах крови, разлившийся в воздухе, окончательно свел тварей с ума. Они бросились в атаку единым потоком, превратившись из медлительных теней в стремительные вихри, готовые разорвать добычу на части.

Ху Цяньцю из последних сил закрывал собой товарища. В какой-то момент клочок тумана улучил мгновение и вцепился в его правое предплечье. Лис глухо вскрикнул от резкой боли, рука мгновенно отяжелела.

Видя успех сородича, другие тени облепили его спину и плечи. Их невидимые клыки впрыскивали яд, похожий на одуряющее зелье: боль уступила место пугающему онемению, тело переставало слушаться.

— Проклятье! Что это за дрянь?!

Лицо Ху Цяньцю покраснело от напряжения. Обхватив Бай Чжигэ за талию, он прижал его к себе и, преодолевая слабость, взмахнул мечом, развеивая тень, что метилась даосу в лицо.

— Да проснись ты уже, пес шелудивый! Я долго не продержусь!

Твари гроздьями висли на Ху Цяньцю, кусая за лодыжки и голени. Силы покинули его, он рухнул на одно колено, не в силах больше стоять. Левую ладонь пронзила острая боль.

— Бай Чжигэ! Только дождись... В аду мы с тобой за всё сочтемся!

Лис медленно закрыл глаза. В это мгновение его тело окутало ослепительное серебристое сияние. Туманные твари, присосавшиеся к нему, с воем обратились в пепел. Свет становился всё ярче, всё нестерпимее.

За спиной Ху Цяньцю возник призрачный образ исполинского девятихвостого лиса. Огромный зверь вскинул голову и издал протяжный, яростный рев. Этот звук, наделенный сокрушительной магической мощью, казалось, был способен расколоть само мироздание.

Бамбуковая роща содрогнулась. Сухие листья взметнулись вверх, кружась в безумном вихре, точно снежные хлопья в зимнюю полночь. Бамбуковые стволы трещали и лопались, разлетаясь на куски под напором звуковой волны. Тени, не успевшие скрыться, были стерты в пыль.

Сияющий призрак исчез так же внезапно, как и появился, стоило Ху Цяньцю лишиться чувств. Сознание померкло, и он, в окровавленных одеждах, рухнул на ковер из опавшей листвы.

***

На востоке забрезжил рассвет. Небо за пределами магического барьера окрасилось в нежные тона утренней зари. В лучах восходящего солнца запели птицы, их крылья в золотистом свете казались отлитыми из драгоценного металла.

— Ох... Что со мной произошло?

Бай Чжигэ, потирая виски, с трудом сел. Наброшенное на него верхнее одеяние соскользнуло на землю.

— Старший брат, ты наконец-то пришел в себя!

Цюй Фэйи присел рядом, проверяя его пульс. Биение сердца было ровным, без провалов — угроза жизни миновала.

Бай Чжигэ быстро пришел в сознание и огляделся. Ху Цяньцю нигде не было видно.

— Где Сун Мин? Брат, где он?

Цюй Фэйи указал на высокую кучу бамбуковых листьев неподалеку. Лицо его было мрачным, взгляд опущен.

— Вчера я ушел в гневе, и это было моей ошибкой... Когда мы вернулись на рассвете, вы оба лежали здесь без чувств. Кто бы мог подумать, что этот смертный, Сун Мин, пойдет на такое, чтобы защитить тебя... Он...

При виде этой импровизированной могилы сердце Бай Чжигэ снова сжалось от боли.

Этот возродившийся великий демон был его надеждой, его искуплением. В часы отчаяния и боли он только и мечтал о том, чтобы тот снова был рядом. Разве мог он теперь позволить ему уйти? Ведь ради его спасения он был готов пожертвовать даже половиной своего пути совершенствования.

Спотыкаясь и едва не падая, Бай Чжигэ подполз к куче листьев. Раскидав их, он увидел бледное лицо Ху Цяньцю, забрызганное запекшейся кровью. Губы его были едва приоткрыты, глаза плотно сомкнуты.

Бай Чжигэ дрожащими пальцами коснулся его шеи. Дыхание было едва уловимым, точно ниточка, готовящаяся оборваться.

— Жив... Он еще жив! — вскричал даос с неистовой надеждой.

Он бережно очистил тело друга от мусора. Зрелище было душераздирающим: одежды превратились в лохмотья, сквозь дыры в которых виднелись многочисленные раны от клыков и когтей. Все предплечья и ноги были покрыты страшными отметинами.

— Сун Мин... — прошептал Бай Чжигэ, и в его голосе слышалось безграничное страдание.

Он взвалил Ху Цяньцю на спину и направился в глубь лесной чащи.

— Старший брат, куда ты его несешь?

— Спасать!

Цюй Фэйи преградил ему дорогу, пытаясь вразумить:

— Старший брат, остановись! Он уже одной ногой в могиле. Здесь нет ни целебных трав, ни пилюль, возвращающих жизнь. Как ты собираешься его спасти?

Бай Чжигэ посмотрел на него тяжелым, решительным взглядом.

— Я отдам все свои силы, всю свою культивацию, но сохраню ему жизнь!

Цюй Фэйи не отступал. Тогда Бай Чжигэ одним движением призвал Меч Сокровенного Грома и направил острие в грудь брата.

— Прочь с дороги!

— Брат! Сун Мин рисковал собой, чтобы ты выжил, а не для того, чтобы ты сгубил себя! Даже если ты отдашь все силы, ты можешь просто не дожить до утра в этом месте!

Цюй Фэйи видел тех тварей ночью. Если бы не вмешательство Гуй Минсы, он и сам вряд ли стоял бы сейчас здесь.

— Я всё решил. Больше ни слова!

Бай Чжигэ обошел застывшего брата. Он должен был вернуть этот долг. Ху Цяньцю однажды уже лишился из-за него жизни и векового могущества, и даже если Бай Чжигэ отдаст всё, что у него есть, этого всё равно будет мало.

Гуй Минсы, стоявший за спиной Цюй Фэйи, молча провожал даоса взглядом. Он коснулся обломка бамбука, и на пальце выступила капля крови.

Гуй Минсы задумчиво разглядывал щепы: всё вокруг было не просто сломано, а разнесено в щепки мощным звуком. Так кричат лисы перед лицом неминуемой гибели, желая забрать врагов с собой. Неужели Сун Мин и в самом деле тот, о ком он думает?